

Патриарх Никон

и его противники в деле исправления церковных обрядов.

Каптерев Н.Ф., 1911 г.

Глава II. Характер отношений к греческой вселенской церкви при патриархе Иосифе

Флорентийская уния и падение Константинополя имели решающее значение для последующей русской церковной жизни. С этого времени именно русская церковь признала себя самостоятельной, способной жить своей собственной, независимой от греков жизнью. Если ранее различные возникавшие у нас церковные вопросы и недоумения решались греками, то теперь они решаются уже исключительно самими русскими. В русской церкви с конца XV века до половины XVI появляется несколько ересей, из которых некоторые приобретают значительную силу и распространенность, но русская церковь борется с ними исключительно только своими силами и средствами, вовсе не прибегая к содействию и авторитету современной греческой церкви. С конца XV века у нас возникают горячие споры о плате за посвящение в церковные должности, о вдовых священниках, о монастырских иму-ществах и пр., и эти все вопросы решаются русскими иерархами без всякого участия греков и сношений с греческой церковью. Но проявления самостоятельности русской церкви относительно греческой на этом не остановились, а пошли значительно далее.

Русские приняли от греков известный церковный обряд, который большинство из них ставило наравне с вероучением и потому старалось раз принятое держать неизменно, хотя у самих греков обряд был не одинаков в различных поместных церквях, не одинаков в различное время в одной и той же церкви; по самому существу своему обряд развивался постепенно и видоизменялся по требованию тех или других исторических обстоятельств. Наряду с другими обрядами русские заимствовали у греков и двоеперстие в крестном знамении, сугубую аллилуйю и др., которые у греков с течением времени подверглись видоизменениям. Двоеперстие окончательно вытеснено было у них троеперстием¹, которое, вероятно с половины XV века, и стало у греков преобладающим, равно как прежнее безразличное двоение или троение аллилуйи заменилось исключительно троением. Русские же относительно перстосложения для крестного знамения остались при древнейшей его форме - двоеперстной, а относительно аллилуйи у них сугубая стала преобладать над трегубой, благодаря чему между греческими и русскими обрядами явилась рознь. А между тем видоизменившийся греческий обряд незаметно стал проникать на Русь и находить себе здесь приверженцев - отсюда на Руси стали возникать споры: какому обряду надлежит следовать, тому ли, который издревле преобладал на Руси, или тому, который позднее сделался господствующим у греков. До нас дошли горячие споры об аллилуйи, но, несомненно, подобные же споры возникали и

относительно других обрядов, что, конечно, и заставило Стоглавый собор заняться этими спорными вопросами и сделать относительно их определенные постановления.

* Об этом подробно будет сказано ниже.

Итак, на границе, по нашему мнению, XV и XVI века русские разошлись с греками в некоторых обрядах, и эти различия возбуждали толки и споры в русском обществе: одни ратовали за русский обряд, другие - за греческий*. Стоглавый собор призван был решить указанные спорные вопросы и действительно решает их, но на основании только русской церковной старины, на основании имевшихся у него под руками только русских данных, вовсе не принимая в расчет современной греческой практики, не обращаясь к грекам за советом, указаниями и разъяснениями. Простым игнорированием греков Стоглавый собор однако не ограничивается, а идет далее. Он не только признает правыми и узаконяет в русской церкви те именно обрядовые особенности, которыми русские порознились в последнее время от греков, но, так как современный греческий обряд стал проникать на Русь и находить в ней своих сторонников и защитников, то собор ограждает узаконяемый им обряд, несогласный с современным греческим, страшной соборной клятвой, с целью предупредить возможность его изменения в пользу греческого обряда и на все последующее время. Очевидно, иерархи, присутствовавшие на Стоглавом соборе, были твердо убеждены, что православный обряд во всей его первоначальной чистоте и неповрежденности сохранился только у русских, тогда как современные греки допустили в нем в последнее время некоторые новшества и искажения.

* В прениях об аллилуйи противник преп. Евфросина говорит, что греки "на сих летех" (т.е. еще очень недавно) к своей гибели от истины свернулись и печать антихристову на челе и на деснице прияша" и что теперешним развращенным грекам верить не следует. На Стоглавом соборе царь говорил: "а *которые обычаи в прежние времена, после отца моего великаго князя Василя Ивановича всея Руси и до сего настоящего времени поисшаталися*, или в самовластии учинено, по своим волям, или предания законы нарушены, или ослабно дела и небрегомо Божиих заповедей, что творилося", обо всем просит позаботиться пастырей в видах исправления этих недавно появившихся в церковной жизни беспорядков. Таким образом, по сознанию самих русских, греки от истины "свернулись" и "печать антихристову на челе и на деснице прияли" только "на сих летех", или, по определению Грозного царя, только после смерти отца его великаго князя Василя Ивановича, т.е. на границе XV и XVI века. Если бы троеперстие проникло к нам ранее, еще при митрополитах греках, то оно, конечно, и утвердилось бы у нас уже в то время вместо двоеперстия, так как митрополиты греки естественно постарались бы ввести на Руси тот обряд, который господствовал и всеми принимался в греческой церкви, а русские, так как авторитет греков в то время еще ничем не был поколеблен в их мнении,

охотно подчинились бы требованиям своих митрополитов. К этому нелишне прибавить указание и на то обстоятельство, что у самих греков ясное и определенное учение о троеперстии, насколько это нам известно, изложено в первый раз в сочинении известного солунского иподиакона Дамаскина Студита начала XVI века, а у русских только со второй половины XV века появляется так называемое Феодоритово Слово, в котором определенно выражено учение о двоеперстии в крестном знамении и которое во все последующее время служило главным оправданием двоеперстия. Появление у нас Феодоритова Слова именно со второй половины XV века и его быстрая распространенность с этого времени указывает, по нашему мнению, на то, что именно в это время явилась нужда оправдать двоеперстие каким-либо авторитетным свидетельством, подыскать для него данные в церковно-исторической древности, явилась потребность защитить этот древний русский обычай от проявившихся на него в то время каких-то нападений. Ввиду этого время появления у нас Слова Феодорита о крестном знамении служит указателем, когда именно в первый раз стало проникать на Русь усвоенное в то время греками троеперстие, которое необходимо вступило у нас в борьбу с двоеперстием, почему для оправдания последнего и понадобилось теперь Феодоритово Слово. Понятно само собою, что русское двоеперстие в крестном знамении мы вовсе не считаем произведением Феодоритова Слова - наоборот, появление самого Слова Феодорита (будет ли оно подложное или подлинное) было вызвано потребностью оправдать уже существовавший у нас обычай двоеперстия, как это мы увидим ниже.

Постановления Стоглавого собора имели громадную важность для последующих отношений русских к грекам. Уже вслед за Флорентийской унией и падением Константинополя у нас раздались голоса, обвинявшие греков в неправославии. Эти обвинения греков подхвачены были нашими книжниками-грамотеями, которые построили на основании их особую теорию об исключительном призвании Москвы и о благочестии русских как высшем и совершеннейшем в целом мире*. Понятно, что эти крайние воззрения на греков как на потерявших истинное православие нашли себе в постановлениях Стоглавого собора новую опору, подтверждение и оправдание и потому все более и более распространялись в среде русского общества, для большинства которого существование в русской церкви обряда, несогласного с греческим, всегда служило наглядным и убедительным подтверждением справедливости возводимых на современных греков обвинений в потере ими истинного православия. Но как бы ни был широко распространен этот взгляд на греков среди русского общества, все-таки он никогда не был взглядом всеобщим, а тем более церковным. Он высказывался только как частное мнение и притом высказывался только во время горячих споров, когда возникал ненормальный вопрос: у кого православие сохранилось в неизменном виде - у греков или у русских, - причем естественная национальная гордость и самомнение русских побуждали их безмерно хвалить свое и всячески унижать греческое.

* Эти воззрения русских на греков и роль этих воззрений в русской жизни подробно нами указаны в нашей книге "Характер отношений России к православному востоку в XVI и XVII столетиях", во введении.

Русские иерархи хорошо знали, что Флорентийская уния была делом только политического расчета, делом немногих, а не всего народа, что в действительности греки относились к унии с ненавистью и никогда не признавали ее, так что и после Флорентийской унии православие в Греции сохранилось по-прежнему. В этом смысле наши иерархи и делали заявления. Так, первый самими русскими поставленный митрополит Иона в послании к киевскому князю Александру Владимировичу пишет: "Ты сам знаешь, что случилось в Царьграде *в царях и патриаршестве...* в великой соборной церкви и в палате царской начали поминать имя папы, *тогда как ни в монастырях, ни в одной из церквей в Царьграде и во всей Святой горе нигде не поминается имя папино, а держат все, по милости Божией, добрую старину*", т.е. митрополит Иона обвинял в уклонении в латинство только царя и патриарха, признавая весь остальной греческий народ строго держащимся православия*. Митрополит Феодосии, призывая в 1464 году новгородцев и псковичей к даче милостыни Св. Гробу, пишет, что иерусалимский патриарх "сам бы пошел в землю нашу, желая *по выше данной ему силе и по благодати Божией дать нам благословение от своей руки* и даровать прощение грехов тем, которые бы с верою ему исповедали", но по обстоятельствам не мог исполнить своего желания, а прислал вместо себя протосингела своего Иосифа с тем, чтобы он был рукоположен в Москве в митрополиты Кесарии Филипповой, что Феодосии, согласно желанию патриарха, и исполнил**. Этот факт ясно говорит за то, что и после Флорентийской унии между греками и русскими по-прежнему существовало церковное единение.

* Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841, т. 1, №47, с. 94-95.

** Там же, №78, с. 128.

Скоро русские, поддерживающие с православным Востоком постоянные живые сношения, убедились в том, что и господство турок не искоренило православия на Востоке. Поэтому параллельно с существованием крайних воззрений, признающих греков потерявшими православие, мы встречаем у русских и мнения совершенно противоположные. Известный наш путешественник XVI века по святым местам Трифон Коробейников в описании своего путешествия, которое было столь любимым и распространенным чтением в древней Руси, говорит в одном месте: "И вниде патриарх (иерусалимский) святейший (В великую церковь) *с православными христианы (уже) суть: греки, и сивряне, и серби, ивери, и Русь, ареляните (?), волохи*. А латыни и все

еретики, игумены и попы их, взимают огонь от христианского кадила, что на гробе Господни, и своя кадила зажигают, *а святейший патриарх свещь им из своих рук с огнем небесным не дает, удаляется от них и не советует с ними ничтоже...* Служил патриарх (александрійский в Синайской обители) со всем собором у Николы чудотворца *и облачался все по нашему российскому обычаю*". О синайских иноках, удивляясь их суровой жизни и терпению, Коробейников замечает, что они "подобии ангелом", "зело подвижны к Богу". Прибыв в Раифу, он замечает: "В Раифе же греков несть, живут сирияне, вера православная христианская"*. В одном хронографе (список которого относится к 1647 году) рассказывается, что четыре вселенских патриарха, *"подвижшеся от Св. Духа"*, совещались между собою посланиями, чтобы "от своего четверочисленного и благочестиваго лика" послать единого в Москву к царю Михаилу Феодоровичу, дабы он поставил в Москве патриарха, чтобы русская церковь более не вдовствовала. Патриархи решили для этой цели послать в Москву иерусалимского патриарха Феофана, который действительно отправился на Русь и, прибыв в Москву, поставил здесь, с согласия царя, патриархом Филарета Никитича**. В старинных космографиях (которые А. Попов подразделяет на три редакции) про греков говорится - в космографии первой редакции: "патриархи же (греческие) и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и святыя Божия церкви ничимже вреждены суть, но тяжкими данми усмирены суть"; в космографии второй редакции: греки "веру христианскую держат, как великих чинов люди, тако же и общий народ, *и в церковных чинех* тако же по старинным обычаям содержатся"; в космографии третьей редакции: "грецы веру христианскую имут непрременную. Греки, живя под турецким игом, "патриарха же и митрополиты и архиепискупи своя имут, *православнии по-прежнему* и монастыри и церкви имут, аще и утесняеми от турок, *но благочестие непрременно соблюдающе*"***.

* Рукопись нашей Академической библиотеки № 436, с. 14 об., 20, 50 об. 5, 67 и 74.

** Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции.

*** Там же, с. 461, 499, 515.

Но для нас более важны, конечно, не мнения лиц частных и случайных, а мнения правительственные и церковные.

Что наши великие князья, а потом цари московские признавали греческий Восток православным, это с несомненностью следует из того, что они всем четверем восточным патриархам, затем на Афон, Синай и в другие знаменитейшие восточные монастыри правильно посылали значительные дачи милостыни в видах поддержания православия на Востоке. Посылая "заздравныя" и "заупокойный" милостыни на Восток, наши цари требовали, чтобы в патриарших церквах и в различных восточных монастырях молились о здравии государя и его семьи и поминали за упокой его умерших предков*. Такие

отношения наших государей к православному Востоку были бы совершенно невозможны, если бы они смотрели на греков как на народ, уже потерявший истинное православие.

* См. об этом в нашей книге: Характер отношений России к православному востоку в XVI и XVII столетиях, гл. 4., с. 105-145.

Что сама русская церковь признавала свое единение с церковью греческой, признавала старейшинство последней и ее полное православие, это с несомненностью следует из учреждения у нас патриаршества. Первый наш патриарх Иов был поставлен константинопольским патриархом Иеремией, права нашего патриарха были определены и узаконены Константинопольским собором; в наших церквах при богослужении, в знак единения русской церкви с греческой, возносилось имя константинопольского и других восточных греческих патриархов. Филарет Никитич был поставлен в патриархи иерусалимским патриархом Феофаном. Если бы русская церковь действительно считала греков утерявшими истинное православие, как бы она решилась принять поставление своего главы от представителей потерявшей уже православие церкви и как бы тогда возможно было возношение имени константинопольского патриарха при богослужении в русских церквах?

Но мало того, что наши патриархи принимали ставление от патриархов греческих, но и на Москве в одно время патриархом избран был, и притом вполне правильно, грек Игнатий. Правда, против патриарха Игнатия у нас возникли потом разные подозрения, даже высказывались сомнения в его полном православию; но эти обвинения и сомнения возникли уже после, и источник их заключался не в действительном неправоверию Игнатия, а в его близости к ненавистному Расстриге*.

* Один хронограф говорит: "Расстрига низвергнул Иова и на его место взводит на престол единомысленнаго себе Игнатия патриарха, родом страны италийския, а веры не вем греческия, не вем латинския, едино вем, еже православия догматы неистово исполняюща и творяща. Игнатия, егоже без священных рукоположений (?) возведе на престол Расстрига, сего в Чудов монастырь послаша под начало, яко да совершенно навикнет благочестия веры, иже во Христа Бога".

В Москву не раз, в конце XVI века, приезжали различные греческие иерархи и оставались у нас на вечное житие или на очень долгое время, причем некоторые из них делались даже епархиальными архиереями (например, охридский архиепископ Нектарий был у нас, в начале XVII века, вологодским архиереем). Все эти выходцы-архиереи свободно пользовались в Москве своими архиерейскими правами и участвовали во всех церковных

службах наряду с русскими иерархами. От архиерея-выходца, желавшего остаться в Москве, наше правительство требовало только, чтобы он представил свою ставленную грамоту и отпусную от своего патриарха и чтобы при совершении богослужения на Руси придерживался тех церковных особенностей, которыми русские отличались тогда от современных греков*.

* См. об этом в нашей книге: Характер отношений Россия к православному Востоку в XVI и XVII столетиях.

Но, признавая греков православными* и находясь с ними в церковном единении, русские в то же время в деле благочестия считали себя выше греков: они были убеждены, что греки, сохранив у себя неповрежденную самую веру православную, т.е. православное вероучение, в то же время в некоторых церковных чинах и обрядах, незаметно для себя, отступили от старины, вследствие чего их церковный чин, в некоторых своих частностях, уже нуждается в исправлении, и именно по образцу русского, который сохранился во всей его первоначальной полноте и неповрежденности.

* Мнение, что русская церковь признавала греков православными, по-видимому, расходится с тем фактом, что у нас некоторых греков отдавали иногда под начал: *для исправления их христианской веры*. Но это явление - отдача греков под начал для исправления их веры - было очень редким и прямо исключительным. К этой мере прибегали у нас только тогда, когда имелись определенные давние, что тот или другой грек ранее своего прибытия в Москву или отступал от православия, как это было, например, с известным справщиком книг Арсением Греком, или когда прибывший грек несколько лет находился в плену у неверных или вообще в каких-либо особенно близких и подозрительных отношениях к туркам, латинам и униатам. По смыслу соборных постановлений 1620 года о белорусах отдача под начал в Москве православных киевлян имела значение меры чисто предохранительной, против возможности появления в Москве под видом православных лиц в действительности вовсе неправославных, так что и отдача какого-либо грека под начало служила всегда только выражением сомнения в истинности православия данного лица, а не греков вообще. Поводы же сомневаться русским в православии некоторых отдельных лиц из греков были иногда действительно вполне законные и основательные, так как между греками всегда встречались лица, уклонившиеся или прямо в латинство или чаще в униатство. При этом нельзя не отметить и тот факт, что наше правительство, отдавая под начало православных белорусов и греков, делало, как мы видели выше, большое различие между ними, и именно в пользу греков: подначальным белорусам оно запрещало входить в самую церковь, прикладываться к иконам, благословлять их воздвигательным крестом, между тем как подначальным грекам, если они не обличены были в отступлении от православия, все это

разрешалось, так что все их подначальство приравнивалось к обыкновенному говению православных. Другой факт. В 1653 году иверский афонский архимандрит Клим, с согласия всех бывших тогда в Москве греческих властей и торговых гречан, просил у государя и патриарха Никона дать для приезжих греков особый монастырь в Москве, где бы служба совершалась на греческом языке, потому что греки русской службы не понимают, *"а иные русские попы мирских торговых греков в церковь Божию божественнаго пения слушать не пуцали; называли их неверными"*. Но уже самое выражение челобитной "иные русские попы" показывает, что не все, а только некоторые русские священники "называли греков неверными", притом не духовных, а мирских лиц, которых они легко могли, по простому неведению, отнести к восточным нехристианским народностям. Впрочем, существования у нас в значительной части общества крайнего воззрения на греков как на потерявших истинное православие мы вовсе не отрицаем, а только не признаем его мнением церковным, хотя эти крайние воззрения, как значительно распространенные, могли оказывать в известных случаях свое давление и на лиц нашей церковной иерархии.

Указанное нами мнение русских*, что греки "по греху позакоснел, и от первого преданнаго им чина", со времени патриарха

* Этот взгляд русских, вполне объясняющий нам их отношения к грекам, с особенной ясностью и определенностью выражен в записке очевидца современника о том, "как служил Феофан, патриарх иерусалимский литоргию с русскими митрополиты, с казанским Матфеем и со архиепископы" (в 1619 году). Эта любопытная записка говорит: "Егда патриарх вошел в церковь к службе и тогда вход пѣли ему подъяки казаанскаго митрополита. И как, начало полова, пошел прикладыватись ко образом и чудотворцевым мощем, и хотел было опять стать на свое место в церкви, и тут ему сказал спаской дьякон Дионисей: "поди де, государь, во олтарь, там де приложишься ко Евангелию, и крестом себя благословишь и властей служащих". И он, пришед во олтарь, приложась ко Евангелию и благословился крестом, и служащих властей благословлял. И как стал в церкви на своем месте, и в то время пришел ево архимарит и архидьякон во олтарь, и стали пред престолом во обычных своих рясах, и положили на престол служебники и ризы и стихари; и Матфей митрополит учал им говорить, чтоб онъ служебники и ризы и стихари с престола сняли и впредь бы не клали, а стали б на обычном месте и служебники и ризы и стихари клали, где пригодится, а не на престоле; и они речи его не узнали, и с престола риз и стихарей не сняли, и митрополит велел дьякону своему соборному Ивану ризы и стихари с престола снять и положить на обычном месте, идеже им быти достоин; и они учили опять ризы и стихари класть на престол. И Матфѣй митрополит и архиепископ Иосиф (Рязанский с 10 янв. 1619 г.) из олтаря вышли; а в то же время приходил Иона митрополит (Крутицкий с 1613 до 1624 г.) прикладыватись к чудотворцевым мощем, а служил в архангеле; а учал патриарху говорить: "великий

господин святейший Феофан патриарх, наша истинная православная христианская церковь не приняла сего чина; пришел твой архимарит и архидьякон во алтарь и стали пред престолом в одних рясах, без риз и без стихарей, и положили на престол служебники и ризы и стихари, а у нас кроме того не ведется, что на престоле Евангелие и крест, а инаго ничего не кладут; а пред престол приходишь ты, да со служебницы твои митрополиты и архиепископы и епископы в своих мантиях, а кроме того, ни архимариты, ни игумены, ни протопопы просто не приходят, точию в фелонях и стихарях"; и патриарх противу того сказал: "то де учинилося спроста, а впредь де тово не будет". Да митрополиты ж Матвѣй и Иона и архиепископ Иосиф патриарху говорили: "ризы де на твоём архимарите не по чину, оплечья у них ни полольников нѣт, а у стихаря також оплечья нѣт ни подпазушних проймов, а у нас в правилех писано вашего ж греческого закона: стихарь есть истканная препряда на (небеси) благодарение Его с нами; не дошитое подпазушье, - ребренная язва, а оплечие, - рана батожная, запятие есть, имже бе связан: руце бо Его напред связаша; патрахиль есть, имже ведоша к распятию не уже бо, но плат возложиша на выю его и совокупиша оба конца, тако и ведоша. Фелонь есть хламида червлена или котыга нешитая, в белую ж ризу облачится по образу Вышняго, яко же рече евангелист: ризы же Его быша белы яко свет". И патриарх сказал: у нас де так, как де есть. А после архимандрит его сказал: "есть де и у нас ризы по вашему ж зделаны, а те де зделаны вскоре". И патриарх же говорил митрополитом: "Бога ради, де, указывайте нам по своему, как де у вас чин ведется, а я де рад слушати".

А егда его облачал архидьякон и говорил по своему языку зычно: эйсполати деспота, кликал с правые страны, а не противу патриарха. И как патриарх оболосся и подъяки пели ему: исполати деспота, и он в то время встал и архидьякон его поднес ему подсвѣщник сребрян, по своему их обычаю учинен на три шалдана (шандана), а в тѣх шалданех по свеще, и он теми свечами учал осенять кругом на все четыре страны, а параманда служебнаго у него не было, лишь тот параманд, что на свитке, а понагию возложил верху сана и алфора (амофора). И митрополиты и архиепископ ему о том говорили, и он сказал: "параманд де на мне есть, на что де другой"; а про понагию учили говорить, и он отказал же: "у нас де так ведется"; а шапка на нем была без опушки на черном бархате прибиваны плащи, как коруна позлащены да камения сажены, а святых нет, лише на верху выбит крест, да по странам четыре херувима и серафима; а на проскомиде действовал над одним агнецом, а в прочие просвиры стояли по обычаю, как действовали власти, и ему говорили: "как де ты государь служил прежде сего и ты де просвиры заздравные вынимал в херувимскую песнь, а у нас того чину не ведется, и тебе государь також ныне вынимати заздравные просвиры в подобно время с нами, а не в херувимскую песнь"; и патриарх говорил: "и я де не стану действовать по вашему ж чину, а впредь де тово у меня не будет". Потом же пришел Арсений архиепископ суждальский и он патриархов язык знает и патриарх действовал все по нашему, как ему Арсений укажет, а молитвы и октеньи и возгласы говорил своим языком, по своему служебнику, и в службе осенял нашими свечами. Лише как почал говорить: твоя от твоих, и в те поры архидьякон ево руку правую положил на левую и коснулся ко святыни, дискосу подвинул по престолу вперед правую рукою, а потир левою рукою подвинул, ино власти о том патриарху говорили: "у нас де

того дьякон не действует, то де ерейская служба", и они в том прощение получили, а ни в чем не пререковали, потому что у них погреху позакоснели от первого преданного им (чина). И как после службы провожали его до келии митрополиты и архиепископ, и он, обратясь, говорил: "просветили де вы меня своим благочестием, и напоили де жаждущую землю водою своего благочестиваго учения, и на том де вам много челом бью"" (Эта выписка, извлеченная из нашей академической рукописи № 202, напечатана архимандритом Леонидом). Из приведенного свидетельства видно, в чем собственно русские иерархи полагали недостаток в религиозных верованиях современных греков: они были убеждены, что греки "позакоснели от первого преданного им чина" - погрешили в некоторых церковных чинах, которые во всей их первоначальной чистоте и неизменности сохранились теперь только у русских. Иронические слова патриарха Феофана, с которыми он по окончании службы обратился к сопровождавшим его русским иерархам - "просветили де вы меня своим благочестием и напоили де жаждущею землю водою своего благочестиваго учения, и в том де вам много челом бью" - были приняты русскими за чистую монету, так что они вполне были уверены, что им действительно приходится относительно церковного чина поучать самих восточных патриархов. Так смотрел на это дело ключарь Успенского собора Иван Наседка, который в прениях по поводу перекрещивания датского королевича Вольдемара заявлял немчину-пастору Матвею: "Да хотя тебе и не годны кажутся наши книги, но во все царства христианские на востоце И на полудни и на западе и где ни есть христиане, то начальники их: патриархи и митрополиты и архиепископы и весь чин священной, к нашему государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Руси и ко святейшей церкви поклоняются и со слезами просят, еже не пищи и одежды, но учения и заступления о православной вере, и не от четырех патриархов вселенских, но от дому пречистые Богородицы великия Росии, от владычества государскаго. И им государь наш, глава христианская, с пастырем своим, всегда всем ищущим христианскую веру соблюдать, и яко единому телу своему, споболезнует и писанми и учении и духовною пищею всегда веселит и прохлаждает и упокоевает всякими потребами, и церкви все во вселенной веселятся и радуются о его владычестве над христианами"). Но что под этим научением восточных иерархов со стороны русских вовсе не разумеется научения собственно вере, которая сохранилась у греков во всей ее целостности и неповрежденности, а научение именно церковному чину, в которых греки по грехам "позакоснели", - это доказывается еще и следующим заявлением одного из современников прений по поводу вопроса о перекрещивании королевича Вольдемара. Этот современник, описывая историю сватовства Вольдемара, неудачные попытки вновь окрестить его, заявляет, что весь запад развращен папою и Лютером, и на востоке народы "во тме пребывают, непросвещенни же божественным светом, сиречь святым крещением, кроме греко-русския веры: грекове, тии еще хранят Божественный закон, аще и в неволи пребывают того ради поизменишася, но обаче еще держат нашу христианскую въру, иже предана нам от самого Господа нашего Иисуса Христа, и от святых его ученик и апостол и от святых отец" (Рукопись: Книга прений по брачному делу Валдемара дацкого королевича, из собрания Е.В. Барсова).

Иосифа в передовом, высшем и более образованном московском кругу стало *уступать* другому мнению, что греки доселе во всем держат православную веру ненарушимой, что русская церковь и в церковно-обрядовых вопросах должна неуклонно держаться настоящего единения с греческой церковью. Уже в Большом Катихизисе, напечатанном в Москве в 1627 году, на вопрос: действительно ли римляне первоначальники в вере, дается такой ответ: "Не первый есть закон, или вера римская, понеже начало вере Христове от Иеросолима прият Рим, идеже (в Иерусалиме) и до сего времени греки целу и ненарушиму сохраняют ея"*.

Мысль о полном православии современной греческой церкви, о всегдашнем единении с нею церкви русской ясно и определенно высказал сам патриарх Иосиф в своих посланиях к датскому королевичу Вольдемару. В первом своем послании к Вольдемару (21 апреля 1644г.) патриарх Иосиф между прочим пишет, что "греки и Русь" отвергли папу "за отступление от вселенских патриарх", "а назвали соборную кафолическую церковь едину восточную, которая седмию вселенскими соборы утвержденную веру держит во всем ненарушимо, целу и невредиму соблюдает и до днесь", что "римляне и германе" не крестятся прямым крещением, "якоже изначала предано святыми апостолами и святыми вселенскими седмию соборы в три погружения, еже и доныне у греков и у нас Руси невредимю соблюдаемо есть". Во втором послании к Вольдемару Иосиф пишет, что русские приняли истинную православную веру от православных греков при князе Владимире, что "с четырьмя вселенскими патриархи и до днесь о православии ссылаемся, и к нам от восточных стран митрополиты и архиепископы и архимандриты прежде сего и ныне приезжают, да еще и сами патриархи свидетельствованные в вере (т.е. несомненно строго православные), и до сего дня мы без всякаго порока православную веру держим и пребываем в ней". Доказывая, что истинная церковь доселе находится в Иерусалиме, патриарх Иосиф говорит, что к иерусалимской истинной церкви принадлежат теперь и другие "паче же и четыре патриаршие места, к сему же (к истинной иерусалимской церкви) с теми (четырьмя восточными патриархатами), со всеми святыми вкупе, и наша святая великая российская церковь согласуется правым исповеданием"**.

Таким образом, патриарх Иосиф самое православие русских доказывает именно его принятием от греков и непрерывностью общения, до самого последнего времени, русской церкви с православными греческими четырьмя патриархами, которые, вместе с русскими, православную веру "ненарушимо, целу и невредимю соблюдают и до днесь".

* Л. 26. На соборе 1620 года Филарет Никитич между прочим говорил: "мы же смиреннии храняще его (патриарха Гермогена) наказание, и тамо в польских градах бывше, ничтоже от повеления его не преступихом и ни в чем ни мало не сложихомся ко отвергшимся *от соборные церкви и от вселенских патриарх*".

** Рукопись нашей академической библиотеки, № 338, л. 3, 96, 99 об.

С особенной силой и определенностью мысль, что четыре греческие патриарха доселе во всем сохранили православную веру неизменной, что они ничего не изменили даже ни в каком церковном предании и древнем постановлении, доказывается в изданных при патриархе Иосифе знаменитых книгах, доселе уважаемых нашими старообрядцами, - в так называемой Кирилловой книге и в Книге о вере. В Кирилловой книге (л. 93) говорится: "четыре вселенские патриархи даже и до днесь, каждого лета соборне, тако же и по единому, писанными своими право и неизменно веру данную им от святых апостол, и их учеников, и седми вселенских соборов, и поместных соборов, *ни в чем не разрушающе, ни прикладая, ни отлагая проповедали и проповедуют, держали и держат, и славят пресвятую Троицу, Отца и Сына и Св. Духа*". В Книге о вере таким образом характеризуется современное положение греческой церкви, страдающей под игом неверных турок: "Святая восточная в грецех обретенная церковь правым царским путем, аще и вельми тесным, но обаче от Иисуса Христа Бога и Спаса нашего и истинных его наследников утлаченным, ни направо, ни налево с пути не совращаяся, к горнему Иерусалиму сыны своя препровождает, в поданном от Господа Бога терпении; и ни в чем установления Спасителя своего и блаженных его учеников, и святых отец предания, и седми вселенских соборов, *Духом Святым собранных устав не нарушает, ни отменяет, и в малейшей части не отступает, ни прибавляя, ни отнимая что, но яко солнце одинакою лучею правды всегда, аще и в неволи пребывая, светится правою верою*. А чтобы лучше православныи христиане в той мере ведомость могли имети, яко стадо Божиих овец, в Греции живущих, аще телесную чувственную, от телесного и чувственного врага неволю терпит, но веру истинную, и совесть свою чисту и нескверну, царю над всеми цари и Богу сохраняет. Ничесожь бо турци от веры, *и от церковных чинов отъимают*, точию дань грошовую от греков приемлют, а о делах духовных и о благоговеинстве ни мало не належаю, и не вступают в то. И якоже люди Божий, егда в работе египетской были, веры не отпадоша, и первии христиане, в триста лет в тяжелой неволи будучи, веры не погубиша, тем же образом и в нынешнее время в неволе турецкой христиане веру православную целу соблюдают... *да зазрядятся всякая уста глаголющих неправду, гордыню и унижением, на смиренных греков!*". "Помещик" Господню в восточной церкви четырех верховнейших пастырей, по подобию четырех евангелистов, имеем... Но рекут римляне, яко патриарси со всем духовенством турскому дани дают: и то есть правда; нечего тому дивитися: аще и дают, да волю имут свое благочестие содержать, зане и Христос Бог наш св. Петру за себе и за его повеле дань воздати, - и несть раб болий господина своего... Все без ума бискупы римстии гордостию безмерно возносятся, яко богатый он, и укоряют убогаго в душе Лазаря, иже в терпении возложеннаго креста Господня, с ярма своего не снимаючи носят, и терпят с Лазарем и с иными избранными Божиими смиреннии грекове, доньдеже Бог изволит... Слушати, - говорит та же Книга, составленная по совету и благословию патриарха Иосифа, - слушати восточная церкве и патриарха константино-польскаго и прочих четырех, творит нам оную пользу: благословение временное и спасение вечное. *Русийскому народу патриарха вселенскаго архиепископа константинопольскаго слушати, и ему подлежати повиноватися в справках и науке духовной есть польза, и приобретение велие, спасительное и вечное...*".*

* Главы 2, 20, 25.

Очевидно, что эти воззрения на греков и греческую церковь, высказанные в Кирилловой книге и в Книге о вере, прямо подготавливали почву для церковной реформы Никона, создавали прочную опору для всей будущей его реформаторской деятельности, ибо они решительно опровергали ходившие и очень распространенные на Руси слухи о потере греками истинного православия, указывали на необходимость полного единения русской церкви с греческой, которая во всем, не исключая самых церковных чинов, осталась до последнего времени строго верна древним уставам и преданиям, "не отступив от них и в малейшей части".

Заявляя о полном единении русской церкви с греческой, что "с четырьмя вселенскими патриархи и до днесь о православии ссылаемся", что русскому народу константинопольского патриарха "слушати и ему подлежати и повиноватися в справах и в науце духовной есть польза", патриарх Иосиф доказывал это и самым делом. Он обратился к константинопольскому патриарху с особой грамотой, в которой просил его разрешить следующие вопросы: можно ли многим архиереям и иереям служить божественную литургию двумя потирами? Подобаает ли в службе по мирским церквам и по монастырям читать единогласно? Некоторые жены оставляют мужей своих по нелюбви и постригаются, а мужи оставляют жен своих, - как поступать в таких случаях? Можно ли делать священниками женившихся на вдовах или вступивших во второй брак? На эти вопросы Иосифа был получен из Константинополя соборный ответ, разрешавший недоумения московского патриарха, причем заявлялось, что великая константинопольская церковь восприяла от Бога силу отверзать двери верным к разумению божественного учения, утверждать их в разумении истинной и правой веры Христовой, что она есть источник и начало всем церквам, "напоет и подает живот всем благочестивым христианам во все церкви", так как она все догматы благочестия "хранит ненарушимо и неподвижно, как сначала приняли, не умалили и не прибавили". В то же время константинопольский патриарх прислал Иосифу и грамоту от себя лично, в которой опять заявляет, "что если иное что понадобится блаженству вашему, то блаженство ваше братскою о Боге любовью пусть пишет нам и приписывает вопросу о исправлениях церковных, ибо великая церковь Христова, благодатию Святаго Духа, есть начало иным церквам и должна в них исправлять неисправленное; святая кафолическая апостольская великая церковь Христова против прошения никогда безответною не бывает".

Таким образом, уже патриарх Иосиф считал нужным и необходимым обратиться к патриаршему константинопольскому собору как к такому учреждению в православной церкви, от которого русская церковь должна получать указания и ответы по поводу разных возникающих в ней церковных вопросов и недоумений*. Этим самым патриарх Иосиф открыто признавал, что константинопольская церковь по-прежнему действительно "напоет и подает жизнь всем церквам", что в действительности она все догматы

благочестия по-прежнему хранит "ненарушимо и неподвижно, ничего не умаляя и не прибавляя в них", и что так как она есть "источник и начало всем церквам", то ей и принадлежит право во всех других поместных православных церквах "исправлять неисправленное". Понятно, какой сильный удар наносил этим Иосиф тем представлениям русских, по которым истинному благочестию теперь следовало учиться не русским у греков, а совершенно наоборот; понятно, как недовольны им были все ревнители родной старины, убежденные, что у современных греков благочестия "и следу нет", что самая вера православная у них сделалась "пестра"; понятно также, что Иосиф своим обращением к авторитету константинопольского патриарха при решении русских церковных дел уже прямо указывал на тот путь, которым следовало идти его преемнику Никону в его реформаторской деятельности.

* При этом нельзя не обратить внимания на следующее малопонятное обстоятельство: вполне естественно было ожидать, что Иосиф в соборном определении о единогласии сошлется на присланный ему ответ константинопольского патриарха, иначе самое его обращение к нему не имело бы цели. А между тем в соборном определении 1651 года о единогласии Иосиф вовсе не упоминает об ответе ему константинопольского патриарха из опасения, как бы эта ссылка на авторитет современных греков не вызвала протеста со стороны сильной в то время партии ревнителей русской старины, признававших греков потерявшими истинное благочестие, так что это умолчание со стороны Иосифа было делом осторожности и благоразумия, следствием его нежелания произвести возможные церковные волнения. Но, кажется, вероятнее будет объяснить это дело предположением, что Иосифу в окончательной редакции соборного постановления о единогласии просто не дозволили упомянуть об ответе константинопольского патриарха, а заставили его сослаться только на постановление Стоглавого собора. Дело заключалось в следующем: враждебные патриарху Иосифу (о чем сказано будет ниже) Стефан Вонифатьевич и Неронов ввели сначала единогласие в своих церквах в Москве, а затем друг их Никон, сделавшись новгородским митрополитом, ввел единогласие в своей епархии. Делалось это, вероятно, с разрешения только царя, помимо патриарха Иосифа, который поэтому и отнесся к введению единогласия как к своеволию и самочинию подчиненных ему лиц, но на стороне которых стоял однако царь. Так как Стефан, Неронов и Никон в оправдание своего образа действий, вероятно, ссылались на ясное и определенное постановление об единогласии Стоглавого собора, то Иосиф, из противодействия им, обратился к константинопольскому патриарху и решил ввести единогласие только после получения от него положительного ответа, считая вопрос о единогласии как бы еще не решенным церковью окончательно. Понятно отсюда, что значило для заинтересованных лиц, сошлется ли соборное определение о единогласии на ответ константинопольского патриарха или на постановление Стоглавого собора. В первом случае введение Стефаном, Нероновым и Никоном единогласия было бы самочинием, своевольным введением в церковную практику того, что еще не решено было окончательно голосом церкви; во втором случае, т.е. когда исходной точкой для решения вопроса бралось только

постановление одного Стоглавого собора как вполне достаточное, введение Стефаном, Нероновым и Никоном единогласия не только не было актом своеволия, но простым выполнением обязательных для каждого соборных постановлений, за что они заслуживали уже не порицания, а похвалы. Ввиду этого, если интерес патриарха Иосифа требовал опереться в соборном решении 1651 года о единогласии на ответ константинопольского патриарха, то интерес Стефана, Неронова и Никона, наоборот, требовал их предшествующий образ действий в вопросе о единогласии. А так как патриарх Иосиф в это время уже сильно потерял свое значение и влияние и царь вполне находился на стороне Стефана, Неронова и Никона, то Иосиф и должен был уступить своим сильным, опиравшимся на царя противникам, вследствие чего в соборном постановлении 1651 года о единогласии и было упомянуто только об определении Стоглавого собора и вовсе умолчено об ответе константинопольского патриарха, - это было, очевидно, поражением для Иосифа и торжеством для его противников.